

СОЛОМОН

ЛУРЬЕ

**АНТИ-
СЕМИТИЗМ**
*в древнем
мире*

Весь мир

Соломон Лурье

Антисемитизм в древнем мире

«Алисторус»

2026

УДК 94(33)
ББК 86.36

Лурье С. Я.

Антисемитизм в древнем мире / С. Я. Лурье — «Алисторус»,
2026 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00269-602-4

Соломон Лурье (1890–1964) – выдающийся историк, глубокий знаток древних цивилизаций, классик гуманитарной науки, признанный во всем мире. Он задался целью объяснить, как евреи стали изгоями среди народов, в чем причины антисемитизма, который впервые проявился в древние времена? Доскональное изучение истории древних цивилизаций позволило ему найти сотни примеров антисемитских проявлений в древности. Почему евреев считали чернокнижниками, колдунами, заговорщиками? Откуда пошли слухи о нечистоплотности и распущенности, свойственной этому народу? Как проявлялась тайная спайка и взаимовыручка евреев? Что такое «еврейское нахальство» и «еврейская низость»? Историк показывает и религиозную, и социальную подоплеку этой розни. Книга профессора С. Я. Лурье остается наиболее полным и авторитетным исследованием на эту тему. Ученому удалось сохранить объективность и вскрыть истинные причины антисемитизма – явление, которое не ослабевает веками. Книга предназначена для всех, кого интересует история – в том числе тайная история человечества, которая актуальна во все времена.

УДК 94(33)
ББК 86.36

ISBN 978-5-00269-602-4

© Лурье С. Я., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	15
1. Еврейская религия, как причина античного антисемитизма	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Соломон Яковлевич Лурье

Антисемитизм в древнем мире

© Лурье С.Я., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Настоящая работа была задумана в 1914–1915 г.г., когда русское еврейство больше всего страдало от общественного антисемитизма, обострившегося вследствие новых наветов о роли евреев в европейской войне. Всякого мыслящего и чувствующего человека должен был заинтересовать вопрос о причинах этого исторического явления, крайне важного, хотя бы уже вследствие своей многовековой давности. Для автора этой работы уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях, – иными словами, что антисемитизм – явление не случайное, что он коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и не еврея. Путем самонаблюдения (автор имеет счастье или несчастье быть, по общему мнению всех знающих его, одним из типичнейших представителей еврейского племени во всех решительно отношениях) и изучения окружающих, мне удалось притти к определенным взглядам по вопросу о причинах антисемитизма. Когда я случайно в это время наткнулся на книгу Th. Reinach'a „Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme“, я с удовольствием увидел, что данные эллинистической эпохи подтверждают те выводы, которые я сделал, изучая современность, и это дало мне повод приступить к настоящей работе. Работа обещала очень много, так как вместе со мной за эту же работу взялся мой покойный отец, лучше моего научно вооруженный для нее и стоявший на диаметрально-противоположной точке зрения: еврейский вопрос – результат исторического недоразумения; еврейство существует потому, что существует случайно появившийся в мир антисемитизм, и будет существовать, только пока он существует. Возможность обмениваться мыслями по каждому отдельному вопросу с человеком, стоящим на столь противоположной точке зрения, давала право надеяться, что работа выйдет вполне серьезной и обоснованной. К сожалению, уже в самом начале моих занятий отец погиб на своем медицинском посту, заразившись неизлечимой болезнью. В то же время наступили события весны 1917 года, когда казалось, что антисемитизм, а вместе с ним и весь еврейский вопрос, канул в вечность вместе с другими призраками старого режима. Поэтому я забросил начатую работу, как я думал, на очень долгое время.

Соломон Лурье

Прошло три-четыре года, и мне пришлось, однако, к ней вернуться. Ход событий показал, что весенние настроения 1917 года были пустой иллюзией, и блестяще подтвердил верность сделанных мною прежде выводов о причинах и происхождении антисемитизма: несмотря на полное отсутствие официальных еврейских ограничений, антисемитизм вспыхнул с новой силой и достиг такого расцвета, какого нельзя было и представить себе при старом режиме. В

частности он тяжело отразился и на моей личной жизни. Понятно, что я должен был забросить все текущие научные и педагогические занятия и вернуться к оставленной работе.

Таким образом, настоящая работа – результат продолжительного размышления и исследований, и потому, как бы ни были велики ее недостатки, ей, во всяком случае, не может быть поставлена в вину компилятивность или простая регистрация чужих мнений. Моя точка зрения совершенно новая.

Действительно, чуть ли не каждый исследователь выдвинул особое об'яснение происхождения антисемитизма: одни видят причину антисемитизма в том, что евреи – выше окружающей их среды и потому вызывали зависть соседей, это – народ бескорыстных идеалистов и апостолов (М. Фридендер), другие наоборот, в том, что евреи в нравственном отношении ниже окружающей их среды – они корыстолюбивы и кровожадны (Ф.Штегелин), это – народ ростовщиков (В. Зомбарт); для одних – все дело в том, что евреи проникнуты партикуляризмом, они отделяют себя китайской стеной от окружающих (Э. Шюрер), другие, наоборот, видят историческую ошибку еврейства в том, что оно слишком охотно проникалось чуждой культурой (И. Фрейденвальд); одни пытаются делить еврейство древности на два обособленных и враждующих между собой течения и считают, что только одно из этих течений – узко-националистическое – породило антисемитизм (А. Бертолет), другие, наоборот, видят в еврействе древности одну тесно-сплоченную семью и об'ясняют антисемитизм именно этой сплоченностью (Т. Моммзен); одни видят причину антисемитизма в необыкновенном своеобразии и иррациональности еврейского национального характера, представляющего собой тесное соединение крайних противоположностей (Эд. Мейер), другие, наоборот, об'ясняют антисемитизм более или менее случайными причинами временного характера – религиозными, экономическими, политическими и т. д. – и считают, что еврейского народа не существует, а есть только граждане различных национальностей, исповедующие иудейскую религию (Т. Рейнак).

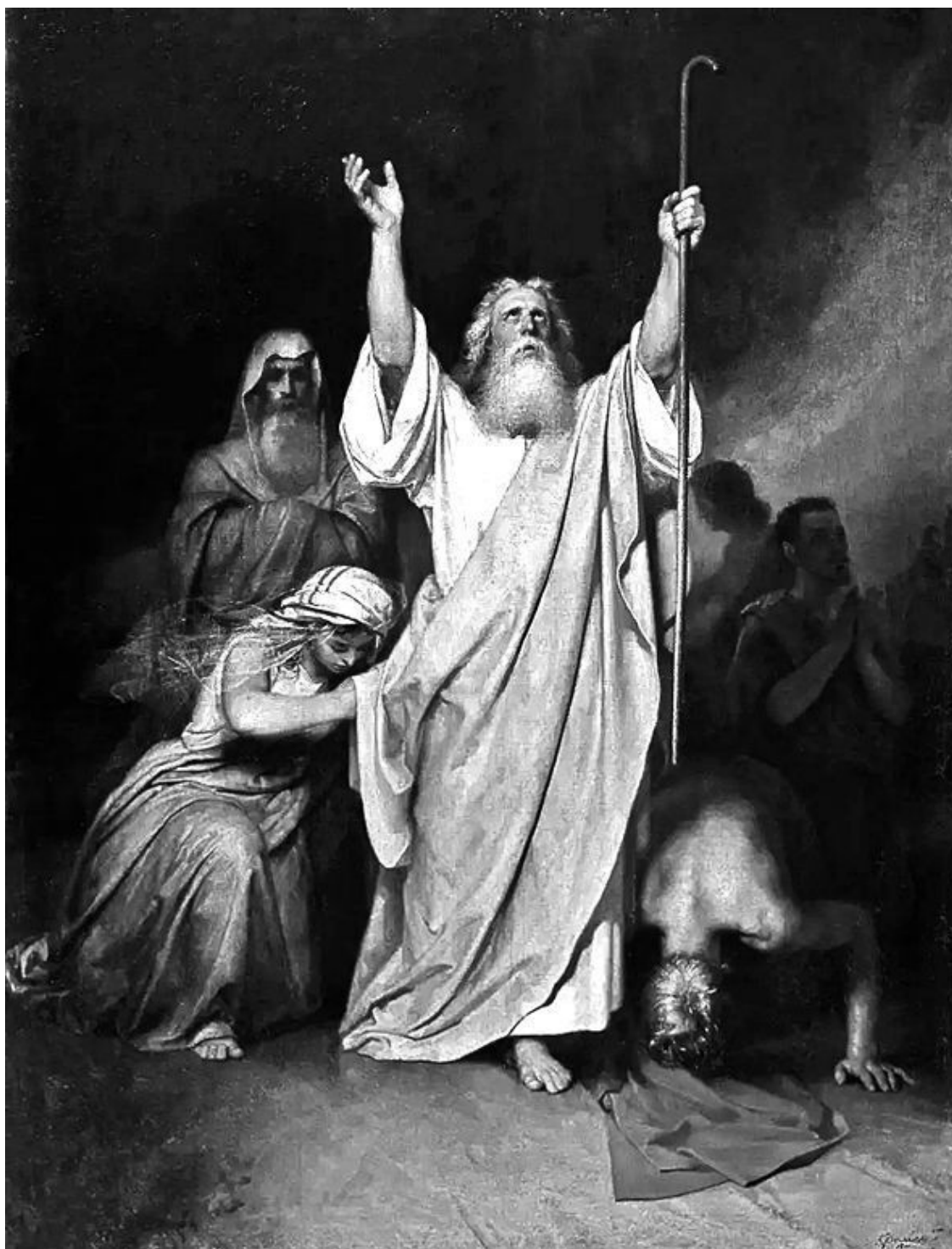
Как я уже сказал, я определенно примыкаю к той группе ученых, которые, исходя хотя бы из одного того, что везде, где только ни появляются евреи, вспыхивает и антисемитизм, делают вывод, что антисемитизм возник не вследствие каких-либо временных или случайных причин, а вследствие тех или иных свойств, постоянно соприсущих еврейскому народу. Поэтому необходимо отвергнуть об'яснение антисемитизма случайными экономическими, религиозными или политическими конъюнктурами. Конечно, я располагаю доказательным материалом только для эпохи, входящей в круг моих научных занятий – для античности. Но я а priori убежден, что в средние века дело обстояло не иначе. Очень любопытна в этом отношении статья L. Canet в *Revue des études juives*, 61 (1911), стр. 213 сл. (*La prière pro iudaeis de la juives*, 61, (1911), стр. 213 сл. В католической церкви установлена в Великую Пятницу молитва за церковь, за папу, за клир, за императора, за прихожан, за страдающих (больных, голодных и т. д.), за евреев и за язычников. Каждое отдельное молитвословие состоит из 1) вступления, начинающегося словами: «Помолимся за... (*oremus pro...*), 2) коленопреклонения с молитвой про себя и 3) заключения. Одна из частей этой молитвы представляет собою молитвословие за евреев (Яффи: в оригинале «евреев») («помолимся за вероломных евреев» – *oremus pro perfidis iudaeis*); в этом молитвословии в отличие от всех прочих (включая даже молитвословие за язычников), начиная с IX века, существеннейшая часть – коленопреклонение – опускается. В церковной литературе это об'ясняется тем, что евреи, издеваясь над Христом, становились перед ним на колени; поэтому христианам не подобает становиться на колени за евреев. Об'яснение это – заведомо произвольное и придуманное *ad hoc*: согласно Евангелию, над муками Христовыми издевались не евреи, а римские солдаты. Тщательно изучив церковную литературу, Канэ (стр. 219) приходит к выводу: «У всех авторов дело сводится к тому, чтобы оправдать уже существующую практику, а не чтобы ее ввести впервые. Повидимому, эта практика установилась сама собой, и в ней нужно видеть проявление народного антисемитизма. Доказательство этого мы имеем в заметке на полях саκραментария Ратольда (или С. Васт и Корби):

«в этом месте никто из нас (т.-е. из членов католического клира) не должен становиться на колени вследствие злобы и ярости народа». Итак, именно народ не позволял становиться на колени... В том, что народные массы в Корби отказывали становиться на колени, когда их призывали молиться за евреев, нет ничего удивительного; таким образом, установился новый обычай. Духовенство только позаботилось о том, чтобы самая молитва сохранилась и чтобы этот обычай был оправдан. Из этого случайно выхваченного примера мы видим, что даже в этом случае, где легче всего было бы свалить всю вину на пропаганду духовенства и объяснять все религиозными и экономическими причинами (церковь, мол, была крупным ростовщиком, и антисемитизм вызывался стремлением церкви устранить конкуренцию ростовщиков-евреев, Зомбарт), в действительности, церковь только послушно плелась в хвосте народного антисемитизма.

Постоянной причиной, вызывавшей антисемитизм, по нашему мнению, была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь, ни от кого не обособляясь) оставался национально-государственным организмом. Действительно, всякого рода «конституции» и «законодательства» – только внешнее закрепление ряда явлений чисто-психологических, и не эти «клички бумаги» определяют наличность национальности и государства, а ряд чисто-психологических социально-нравственных переживаний. А эти переживания налицо у евреев не в меньшей, а в большей мере, чем у народов, обладающих своим языком и своей территорией; эта особенность евреев, как мы увидим, удовлетворительно объясняется своеобразием древней истории евреев. Однако, эта особенность осталась непонятой не только «хозяевами» евреев, но и учеными исследователями из среды самого еврейства, воспитанными на правовых доктринах «хозяев». Если Фрейденталь готов считать основой национальной самобытности – язык (см. ниже, ч. II, 1), если Р.Г. Леви (*Revue des études juives*, (1911), (188), категорически заявляет, что нет еврейского народа, а есть только граждане различных государств, исповедывающие Моисеев закон („pas plus qu'il n'y a de „peuple catholique“ ni de „peuple protestant“, il n'y a de „peuple juif“), – то они уже в древности имеют предшественником Филона (ниже, 115). Точно также и для не-евреев этот факт остался непонятным: любопытно, что, напр., Блудай характеризует чувство, связывающее евреев разных стран, как «земляческое» (*landsmannschaftliche*; ниже, стр. 56). А между тем, те психологические переживания, которые налицо у каждого нравственно-здорового еврея и в которых часто он сам не отдает себе отчета, могут быть охарактеризованы только, как государственно-национальные.

В этом отношении показательно следующее. Во время европейской войны, когда с одной стороны, расцветали махровым цветом возникшие уже в средние века легенды о еврейском шпионаже, сжигании евреями хлеба на корню, собирании золота в гробы для отправки неприятелю и т. д., а, с другой стороны, еврейская пресса («Восход») из кожи вон лезла, чтобы доказать несуществующий патриотизм евреев, и печатала портреты евреев-георгиевских кавалеров, – в еврейской массе был особенно популярен трогательный рассказ. Во время панического бегства австрийцев в Карпатах какой-то еврей – унтер-офицер, грубый и малограмотный человек, но неоднократно отличившийся и имевший георгиевские кресты, – бросился в атаку одним из первых и, настигнув ближайшего австрийского солдата, пронзил его штыком. Несчастный успел только воскликнуть: «Шма, Исроэль!» (еврейская повседневная молитва) и упал мертвым. С злополучным же героем произошла резкая перемена. Он забился в угол, целых три дня ничего не ел и на четвертый день зарезался бритвой. Если мы вдумаемся в этот рассказ, то увидим, что психологические переживания унтер-офицера до и после убийства соплеменника вполне однородны; разница лишь в том, что до убийства объектом его национально-государственного чувства была Россия, а после убийства обнаружилось, что это чувство было поверхностным, наносным, и что в душе унтер-офицера гораздо глубже сидело

другое национально-государственное чувство, объектом которого был еврейский народ. В этом же отношении любопытно, что тот самый Фрейденталь (Alexander Polyhistor und die von ihm erhaltenen Reste jüdischer und isamaritanischer Geschichtswerke, Breslau 1874—75, стр. 198), который исходит из принципа, что национальность прежде всего выражается в языке, тем не менее, говоря о причине, побудившей ассимилированных евреев-эллинистов диаспоры писать еврейскую историю, характеризует ее не как «земляческое» (landsmannschaftliche, Bludau) и даже не как национальное чувство, а как чувство патриотическое (Vaterlandsgefühl). Характерное противоречие!

И. Крамской. Молитва пророка Моисея

Естественно, что не-евреи не могли ни понять, ни признать этого факта. Если язык и территория – *conditio sine qua* поп всякого национального чувства, то свое еврейское национально-государственное чувство у живших внутри эллинского общества евреев диаспоры должно было представляться им, как преступность, как нравственное вырождение. Однако, изучение жизни и нравов их соседей-евреев не давало материала для того, чтобы сделать вывод, что евреи в нравственном отношении ниже своих хозяев. Вот почему, как мы увидим ниже, антисемиты древности черпают материал для своих обвинений не из реальной жизни, а из Библии, которую они тщательно штудировали специально для этой цели и которая, как всякий памятник старины, естественно содержала не мало нравственно-отжитых понятий.

Так как такая точка зрения на причины возникновения антисемитизма высказывается в науке впервые, то ясно, что доказательство ее возможно только на основе новой, самостоятельной переработки материала первоисточников. Если эта работа над первоисточниками не столь тщательна и не имеет столь исчерпывающего характера, как мне бы хотелось, то причина этого в невыносимой экономической и психологической обстановке настоящего времени.

Моя научная специальность – история Греции; поэтому я был в состоянии самостоятельно изучать только историю антисемитизма в эллинистически-римскую эпоху. Если мой труд озаглавлен «Антисемитизм в древнем мире», то только потому, что данные об антисемитизме в предыдущие эпохи настолько малочисленны, что не заслуживают рассмотрения в особой книге, а в моей книге необходимы, как параллель и введение. Само собой разумеется, что памятники этой эпохи (главным образом, документы еврейской колонии на Элефантине) не могли быть здесь подвергнуты самостоятельному разбору; я должен был удовольствоваться только использованием разработанного уже в науке материала, и никакой ответственности за то или иное понимание этих документов я, поэтому, не несу.

Для истории антисемитизма в древности имеется материал и литературный и документальный, как на греческом и латинском, так и на еврейском и арамейском языках.

Литературные памятники на греческом и латинском языках были мною изучены наиболее внимательно. Это, во-первых, произведения антисемитской литературы и отдельные антисемитские выпады античных писателей. Все они собраны в книге Th. Reinach, *Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme*, Paris 1895. (В Berliner Philologische Wochenschrift. 1895, стр. 985–989, Вилльрих поместил придирчивую рецензию на эту книгу и дал длинный список пропущенных Рейнаком мест. Я просмотрел эти места, но ничего интересного для моей темы не нашел). Во-вторых, это остатки еврейской светской литературы – исторических работ и произведений изящной словесности. Это – в первую голову Филон и Иосиф Флавий, далее – отрывки из утраченных трудов еврейско-эллинистических историков, собранные в уже цитированной книге Freudenthal'я; отрывки из трагедии Езекиеля лучше всего изданы L. M. Philippson, *Ezechiel und Philo*, Berlin, 1830. В третьих, это, – греческая Библия, апокрифы и псевдэпиграфы. Сличение канонической части Септуагинты с еврейским подлинником и изучение умышленных отступлений в переводе даст немало материала для нашей темы. К сожалению, такое сличение сделано мною только для отдельных мест; я не располагал временем, чтобы провести его в полном объеме. Септуагинту (каноническую часть и апокрифы) я использовал в издании C. de Tischendorf, *Vetus testamentum graece iuxta LXX interpretes*, T. I et II, Lipsiae 1880. Сивиллины оракулы я изучал по изданию Rzach, *Oracula Sibyllina*, Wien, 1891. Пособием для изучения апокрифов и псевдэпиграфов мне служил двухтомный перевод со вступительными статьями, изданный E. Kautsch'ем. {Добавление: K. Kuiper дал в 1903 г. новое издание отрывков Езекиеля (REJ 46, 48 слл. 161 слл.), но им лучше не пользоваться. Добавление: Глава „The Septimint as a version» в книге H. B. Swete, *An introduction to the Old Testament in Greek*, Cambridge, 1900, из ложного пиетета старательно обходит выдвигаемые нами вопросы. Даже в таком характерном случае тенденциозности перевода, когда выражение

«сыновья Бога» (Gen. VI, 2) переводится „hoi angeloï tou theou», Swete не усмотрел ничего, кроме желания избежать «смелой метафоры» (стр. 329).}

Из документальных источников мне удалось заново выбрать и полностью использовать папирусы и египетские надписи. Несколько хуже обстояло дело с внеегипетскими надписями. Из них мною использованы те, на которые я нашел ссылки в литературе, и те, которые так или иначе реферированы в еврейских научных *periodica*. Конечно, было бы желательно просмотреть полностью собрания греческих и латинских надписей и извлечь из них все, имеющее отношение к нашему вопросу. Но это было бы равносильно составлению *Corpus inscriptionum graecarum et latinarum ad res iudaicas pertinentium*, а для такой работы я, при нынешних условиях, конечно, не располагал временем.

Еще хуже обстоит дело с литературными памятниками на еврейском и арамейском языках (Библия и Талмуд). Вследствие весьма слабого знания еврейского языка, нужные для моей работы позднейшие части Библии я принужден был изучать в образцовом немецком переводе Е. Kautzsh'a и только в особенно интересных, трудных или спорных местах я мог обращаться к подлиннику. Но хуже всего обстояло дело с Талмудом. Пользоваться переводом я не считал себя вправе не только потому, что не существует общепризнанного авторитетного перевода Талмуда, подобного Kautzsh'евскому переводу Библии, но еще и вследствие обычно выдвигаемого антисемитами обвинения, будто в переводах и последних изданиях Талмуда все наиболее «криминальные» места выпущены. Поэтому для привлечения к делу Талмуда необходима самостоятельная работа над талмудическим текстом, что при моей нынешней подготовке совершенно невозможно. Если начатые мною ныне занятия дадут мне надлежащую подготовку и если внешние условия не помешают этому, я возьмусь за особую работу о Талмуде, как об источнике для истории антисемитизма в древности. Пока же я приводил только те места Талмуда, которые уже освещены в литературе нашего вопроса со ссылками на привлечших их ученых.

Что касается литературы вопроса, то и здесь имеются пробелы. Благодаря тому, что мне удалось получить доступ к переданной ныне в Азиатский Музей Академии Наук библиотеке покойного ныне проф. Хвольсона литература вопроса до 1909–1910 гг. мною использована почти сполна. Хуже обстояло дело с более новой литературой. В Азиатском Музее имеются и были использованы книги по интересующим меня вопросам вплоть до 1920 года, но подбор их далеко не полный и оставляет желать многого. Что же касается библиотеки моей *alma mater*, Петроградского Университета, то, к глубочайшему моему прискорбию, я лишен возможности ею пользоваться.

К сожалению, в моем труде читатель не найдет ссылок на русскую литературу вопроса. Сколько мне известно, вся русская литература сводится к статье Н. Брюлловой «Антисемитизм в древности» в «Еврейской энциклопедии» (изд. под ред. Л. Каценельсона и бар. Д.Г. Гинцбурга; II отд. – иудео-эллинический – под ред. проф. Ф.Ф. Зелинского, том II, стр. 639–643). Эта статья представляет собою краткий реферат ярко-антисемитской брошюры Stähelin'a, *Der Antisemitismus des Altertums*, без малейшей попытки критически разобраться в сообщаемых фактах. Реферат сделан крайне небрежно: так, в труде Посидония Апамейского приближенные Антиоха VII Сидета рассказывали этому царю о разоблачениях, сделанных Антиохом IV Епифаном в иерусалимском храме; Брюллова, по-видимому, не поняла прочтенного у Штегелина и на ст. 641 приписывает эти разоблачения непосредственно Антиоху VII. Далее, Штегелин говорит о мнимой еврейской монополии торговли папирусом в весьма осторожных выражениях, слагая всю ответственность на Шлаттера; Брюллова говорит об этом давно опровергнутом в науке (ниже, стр. 53) навете, как о непреложном факте. Единственное собственное добавление Брюлловой: «в различных спекулятивных отраслях торговли и государственного хозяйства евреи играют преобладающую роль» – представляет собою не основанное ни на каких фактах

дальнейшее развитие мыслей Штегелина. Ясно, что на эту статью было неуместно ссылаться в научной работе.

Далее, как мне сообщили, на днях выходит в свет книга проф. Тюменева: «Евреи в древности и в средние века», но к моменту сдачи моего труда в печать мне не удалось достать этой книги.

За отсутствием в типографии греческих и еврейских шрифтов мне пришлось все цитаты приводить в латинской транскрипции.

В заключение считаю долгом выразить свою глубокую благодарность дорогому товарищу Петру Викторовичу Ернштедту, хранителю Азиатского Музея Академии Наук, за его содействие в разыскании научной литературы, за указания новейших научных трудов по интересующим меня вопросам, за руководство в моих первых шагах по изучению древнееврейского языка и за сообщение мне ряда весьма существенных для моей работы фактов (на стр. 47 читатель найдет сделанное им ценное примечание).

Соломон Лурье

Часть первая

Антисемитизм в древнем мире и попытка его объяснения в науке

Изучение исторического материала приводит нас к выводу, что антисемитизм в древнем мире не только не был менее интенсивен, чем в наше время, но и выражался как раз в таких же формах, как и теперь. Нет ни одного обвинения, бросаемого ныне евреям, которое не предъявлялось бы им уже в древности. Более того, самое развитие отношений между евреями и не евреями – терпимость и ассимиляция, антисемитизм и партикуляризм – в древности происходило в таких же формах, как и ныне. В этом убеждают нас и замечания древних авторов (собраны у Th. Reinach, *Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme*, Paris 1895) и свидетельства документальные (папирусы и надписи) и отзвуки в еврейской литературе (Библия, Апокрифы, Талмуд, остатки светской литературы). Уже эта полная тождественность предъявляемых евреям обвинений и форм развития антисемитизма должна была бы привести нас к выводу, что и причины, вызывавшие антисемитизм в древности и теперь, одни и те же. Ссылки на особенности структуры античного общества неубедительны и беспочвенны. Нам говорят, что в древности евреи уже потому были обречены на отчуждение, что они по своим религиозным убеждениям не могли принимать участия в официальных государственных культах. А так как в античном государстве религия связана неразрывными нитями с государством и, более того, является руководящим началом всей государственной жизни, то евреи, не желавшие оставлять своей религии, принуждены были отказаться от участия в общественной жизни древности. При этом совершенно упускается из виду, что то, что верно для античного общества V века, уже грешит против истины, когда речь идет об эпохе эллинизма. В это время интеллигенция уже была сильно заражена атеизмом, и религиозные требования государства сводились уже только к соблюдению известного чисто внешнего обрядового минимума. С другой стороны, эллинизм характеризуется широкой религиозной терпимостью, он относится с большим вниманием и интеллигентностью к особенностям культов различных народов, и эти особенности вызывают в нем лишь любознательность, а не религиозное озлобление и фанатизм. С другой стороны, и евреи, как мы увидим, сплошь и рядом делали все возможное, чтобы избежать обострения религиозного антисемитизма. Наконец, нельзя недооценивать и роли христианской религии в современном мире, особенно в некоторых его государствах (католическая Испания и Польша, Русь православная); более внимательный анализ показывает, поскольку речь идет об еврействе, что религиозный момент играет здесь гораздо большую роль, чем в античном мире.

Но не нужно таких априорных аналогий для того, чтобы прийти к выводу, что причины, вызывавшие антисемитизм в древности и ныне – одни и те же. В этом мы убедимся из изолированного изучения обоих рядов явлений. Вдобавок, ведь, и причина современного антисемитизма – вещь спорная и неясная; в древнем мире общественные отношения значительно проще, и самый антисемитизм еще только появляется. Поэтому и установить причины античного антисемитизма должно быть легче и проще, чем причины нынешнего, и наоборот, следует ожидать, что, установив эти причины, нам будет легче разобраться и в причинах современного антисемитизма.

Но и нахождение причин антисемитизма в древности – вещь нелегкая. Большинство причин, указываемых древними авторами, оказываются дутыми, а истинные причины можно попытаться установить только из намеков и по методу исключения.

1. Еврейская религия, как причина античного антисемитизма

Рассмотрим, что именно вменялось и вменяется в вину евреям древности.

Своеобразие еврейских религиозных установлений – обычная мишень для нападков античных писателей-антисемитов. Особенно часто подвергалось насмешкам и порицанию полное бездействие евреев в субботу. При этом почти всеми авторами рассказывался анекдот о том, как Птоломею I удалось взять Иерусалим в субботу, благодаря тому, что евреи не сопротивлялись, следуя своему закону. Так же часто высмеиваются и еврейские законы о пище, главным образом, запрещение есть свинину (Страбон, fr. 54 = Georg. XVI, 38; Посидоний Апамейский, fr. 25, Ювенал, fr. 171a = Sat. VI, 156 слл., Тацит, fr. 180 = Hist. V, 4, Рутилий Намациан 1. с.). Наконец, те же авторы (кроме Посидония) в тех же местах с негодованием говорят о еврейском обычае обрезания, называя его варварским.

Древняя синагога в Капернауме

Далее евреям ставилось в вину то, что они, живя на территории других народов, а след., по древним представлениям на территории чужих богов, тем не менее отказывались признавать и тем или иным способом чтить этих богов, хотя бы наряду с их богом.

Несомненно, однако, что эти религиозные особенности ни в малейшей степени не могли быть причиной антисемитизма. Обрезание, запрещение употреблять в пищу известные сорта мяса и т. д., все это – установления, свойственные не только евреям, но также египтянам и ряду других известных нам древних народов. А между тем, «необходимо обратить внимание на то, что греки эллинистического времени принципиально относились с величайшей веротерпимостью ко всем народам мира, но только не к евреям; очевидно, причина может заключаться только в чем-то таком, что свойственно одним евреям».

Если в еврейской религии было чем-то необычным празднование субботы, то не менее необычным должно было казаться и казалось в египетской религии почитание кошек, в персидской – запрещение сжигать трупы умерших и т. д., и, тем не менее, ничего похожего на антисемитизм здесь не возникало.

Что касается отказа евреев участвовать в культе государственных божеств, то об этом было уже сказано выше, стр. 19, здесь добавлю только, что евреи всячески старались не вносить обострения в этот вопрос и найти средний компромиссный путь. В надписи CIG. 4838 с (= W. Dittenberger, *Orientis graeci inscr. sel.*, Lips. 1903. Nr. 73, 74, стр. 125), мы читаем: «Благодарит Бога Птоломей, сын Дионисия, еврей. Благодарит бога Федот, сын Дориона, еврей, за спасение на море». Надпись стоит в пределах храма бога Пана в Эдфу и, конечно, не-евреи должны были думать, что под богом в надписи разумеется не еврейский Бог, а Пан-Путеводитель. (Euodos) «Путешественники эти были египетские евреи, возвратившиеся из далекой и опасной торговой экспедиции; вероятно, во внимание к своим языческим спутникам они выразили свою благодарность Богу в такой форме, которая во всяком случае допускала ее отнесение к языческому божеству». Далее, в надписи, относящейся к 29 г. до Р. Х., опубликованной Рубензоном в *Arch. für Papyrussforschung*, V 163, еврейское посвящение вещи Богу отредактировано так: «Богу великому, великому, высочайшему». Это повторение, как указал там же (в примечании) Вилькен, характерно для египетского культа и, таким образом, представляет собою такую же, выражаясь биологически, «защитную окраску». Еще любопытнее то, что в папирусе Pap. Oх. 489 (117 г. по Р. Х.) еврей прикладывает к документу печать, на которой изображен Геракл, а в малоазиатском Иасе еврей-метек Никита из Иерусалима вносит 100 др. на устройство праздника Дионисий (REJ X 76 = Schurer, *о. с.* 16). Наиболее неприемлемым для евреев в официальных религиях древности был культ царей (египетских царей и римских императоров). И тем не менее даже здесь евреи пошли на компромисс: как указывает Филон (*in Flacc. 7, leg. ad Gaj. 20*), в периболах александрийских синагог, т.-е. в открытых колоннадах и во внутренних дворах были выставлены посвященные дары, щиты, золотые венки и почетные декреты в честь римских императоров. Так как в эллинских храмах такие предметы были посвящениями богу, то не-евреи должны были истолковать эти предметы, как признание божественности царей или императоров. Иногда царям посвящалась даже вся синагога или та или иная часть ее; например, в надписи из Схедии (Dittenberger, *Or. gr. inscr. sel.* № 726, II. 467) мы читаем: «Сию молельню (соорудила) еврейская община за («за здоровье» или «имени» в греческом тексте – *hyper*) царя Птолемея и царицу Веренику, его сестру и жену, и его детей». Надпись эту относят к царствованию Птолемея III Евергета, т.-е. к 247–222 году. Такая же формула применяется и позже в царствование покровителя евреев Птолемея VI Филометора (170–145). В одной из таких надписей Dittenberger OGIS. 96) посвящение делается сановным евреем – начальником филакитов, т.-е. внутренней охраны или жандармерии, и еврейской общиной города Африбиса. Они сооружают «за царя Птолемея и царицу Клеопатру молельню Всевышнему Богу». Некий Гермий с женой Филотерой и детьми сооружают пристройку к этой синагоге, опять-таки «за царя Птолемея, царицу Клеопатру и их детей». (Dittenberger. OGIS. 101). Так же формулирована и надпись из Сев. Галилеи, Schürer, *о. с.* 93. Кроме того, в александрийских синагогах совершались торжественные жертвоприношения по случаю вступления на престол императоров, их выздоровления после тяжелой болезни, победы и т. д. (Филон, *leg. ad Gajum*, 44 слл.). Наконец, в фаюмском папирусе BGU IV 1068 (=MW62) еврей присягает именем обожествленного при жизни императора! {Добавление: На еврейских надгробиях в Риме мы находим не только запрещенные еврейским законом изображения животных и людей, но и изображения языческих божеств – музы Урании, Виктории, Фортуны и Гениев (Vogelstein-Rieger, *о. с.*, I, 52. 53. 70). Как Геракл на упомянутой в тексте печати символизирует имя «Гераклид», так и это, конечно, символы. Далее, любопытен случай, когда еврей-сборщик налогов (практор) взыскивает казенный налог на содержание криотафов, т. е. жрецов, заведывающих погребением священных баранов (Pap. Jand. 29—103 г. по Р. Х.)! – Точно также в храме Сети в Абидосе начертано: «Моление Иосея» (Preis. *Sammelb.* № 3757, I в. по Р. Х.). И здесь Иосей имел в виду не Сети, а еврейского Бога, тем более, что в Египте было принято в храме одного Бога обращаться с мольбой к другому; ср. в том же храме обращение к Серапису (Preis. 3731.

3742. 3750. 3752) и к Пану (3743). Любопытно, что этой же богиней Сети клянется еврейка Мибтахия в элефантинском пап. Волк. X, 440 г. до Р. X.}

Если и таких уступок не хватало, евреи готовы были исчерпать самые крайние возможности компромисса, лишь бы без риска для жизни и состояния продолжать оставаться евреями. Подобно тому, как в позднейшее время «появление целых масс мнимых магометан и мнимых христиан представляло собой неслыханный, совершенно единичный факт в истории человечества», так и в древности иногда как раз самые набожные евреи, официальные представители еврейской веры, прибегали к этому средству и внешне принимали «язычество». Таков, напр., рабби Элиэзер бен Парта, живший в царствование Адриана.

В Александрии Египетской

Не надо забывать, что в эпоху эллинизма и интеллигенция была уже неверующей или маловерующей и довольствовалась в делах религии известным внешним минимумом; принятый евреями компромиссный путь вполне удовлетворял эллинов, исключая, разумеется, тех моментов, когда уже по другим соображениям, антисемитизм входил в правительственную или партийную программу; в этих случаях и непочитание евреями официальных божеств могло быть использовано, как средство борьбы с ними.

Такой характер и носит, несомненно, это обвинение в единственном месте, где оно встречается в литературе – у заведомо недобросовестного (см. ниже, стр. 110) александрийского антисемита Апиона (Joseph, c. Apion. II, 4, 6 = Reinach, Textes, стр. 130, § 7). «Если евреи – граждане, то почему они не чтут тех же богов, что и александрийцы?» Фактически, как мы узнаем из Филонова Legatio ad Gajum, речь здесь шла о культе императоров; это было со стороны александрийских греков лишь маневром в борьбе, так как в душе они, как александрийские патриоты, ненавидели римлян гораздо больше, чем евреи. Обычно же эллины не только довольствовались этим компромиссом, но и сами старались не выходить из его рамок. Так, напр., из фрагмента Николая Дамасского, сохраненного нам Иосифом Флавием (Ant. jud. XII, 3, 2), мы видим, что евреям было предоставлено право гражданства в ионических городах, при

чем на них заведомо не налагалась обязанность принимать участие в государственном культе, и что, несмотря на протест местных антисемитов, эти права их были подтверждены (в 14 г. до Р. Х.) М. Агриппой.

Таким образом, своеобразие еврейской религии не могло, при веротерпимости эллинистического общества, служить причиной антисемитизма или, вернее, могло служить ею лишь постольку, поскольку оно является составною частью того еврейского «самоутверждения», которое в современной науке гиперболически и несправедливо окрещено партикуляризмом. Об этом я буду говорить подробно во второй части этой книги.

Своеобразие еврейских религиозных обычаев не было столь резким, чтобы оно могло вызвать возмущение греко-египетских масс. Это мы видим из того, что антисемитская агитация александрийских греков, в своей борьбе с евреями, не довольствуется причудливостью существующих в действительности еврейских обрядов, а или заведомо недобросовестно объясняет их, или придумывает новые несуществующие еврейские религиозные обычаи, навязывая им наиболее нелепые или кроваважные из обычаев своих ближайших соседей – египтян или негров.

Из религии Египта заимствован приписываемый евреям культ осла. Когда в Александрии еврейский рассказ об исходе из Египта был сопоставлен с египетским рассказом о господстве гиксов, было найдено много черт сходства, и поэтому евреи часто отождествлялись с гиксами (см. ниже, ч. II, 1). Главным же божеством гиксов считался Сет-Тифон, священным животным которого был осел, и, естественно, что Тифон представлялся либо с головой осла, либо (менее антропоморфично) верхом на осле. С другой стороны, у древних было излюбленным грамматическим приемом – объяснять названия городов и племен тем, что на них было перенесено имя их основателей, в роде того, напр., что Рим получил свое имя от Ромула, Коринф от Коринфа и т. д. Таким образом, и вождями евреев во время их первого вторжения в Иудею были сделаны Иерусалим и Иуда (Tac. Hist. 5, 2). По счастью, Плутарх в своем рассуждении об Исиде и Осирисе (§ 31=fr. 68 Rein.) сохранил нам еще явственные следы отождествления египетского предания о богѣ гиксов Тифоне с еврейским преданием об исходе: «Те, которые рассказывают, что после сражения Тифон обратился в бегство и бежал семь дней верхом на осле, а, когда оказался в безопасности, родил сыновей Иерусалима и Иуду, явным образом вносят в египетский миф еврейские рассказы». Тифон был таким образом отождествлен с Моисеем; теперь нам станет понятно, из каких источников берет свое начало вымысел жившего в начале II века до Р. Х. Посидония Апамейского, сообщавшего, будто Антиох Епифан, ворвавшись в иерусалимский храм, нашел в святая-святых статую, представляющую Моисея, сидящего верхом на осле с книгой в руках (fr. 25 R.). Другая версия упростила этот рассказ, заменив статую Моисея на осле золотой головой осла. Так Мнасей Патрский (fr. 19 R.), приблизительно современник Посидония, сообщает о некоем Забиде, которому удалось хитростью проникнуть в Иерусалимский храм и украсть оттуда золотую голову осла. Известнейший из антисемитов древности, александриец Апион (I в. по Р. Х.) комбинирует оба рассказа: из первого он заимствует для большей исторической достоверности Антиоха Епифана, из второго – золотую голову осла. Повидимому, от себя он прибавлял, что евреи чтили эту голову особым культом и воздавали ей божеские почести и что она заключала в себе огромное количество золота (Jos. c. Ap. II, 7 – fr. 63 D. § 1 R.). Тот же рассказ повторяется Дамокритом (fr. 60 R.), а впоследствии и Тацитом (Histor. V, 4). Было даже придумано объяснение, почему евреи почитают именно осла: оказывается, во время странствования евреев в пустыне, когда они умирали от жажды, только благодаря стаду ослов они нашли дорогу к источнику (Tac. Hist. V, 4, Plut. Quaest. conv. IV, 5,9 § 2 – fr. 69.180 R.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.